

—

К вечеру в мясной лавке почти не осталось покупателей. Продана была примерно половина забитого скота, и при осенне-зимней погоде его можно было продавать и на следующий день, так что не стоило беспокоиться.

В час Шэнь (15:00-17:00) мясник Цяо, видя, что торговля вялая и делать особо нечего, решил сыграть в кости с сидящими рядом знакомыми торговцами и отпустил двух учеников.

Хо Шу вышел из лавки, ещё светило слабое солнце, падая золотым светом на арку на улице.

Он смотрел на большие буквы «Переулок Чжэнлу» на арке, прищурившись от света, и взглянул внутрь улицы.

Улица была оживлённой, его взгляд немного изменился, он был не совсем уверен, но всё же хотел пройтись.

Поэтому он вынул из-за пазухи постоянно носимый короткий нож, с неменяющимся лицом сделал порез на тыльной стороне левой ладони, затем, прижимая руку, направился прямо в переулок.

«Скоро зима, утром и вечером нужно добавить пару слоёв одежды, смотри, снова похудел».

«Ничего страшного, скоро зима и Новый год. К празднику я поем много всего, и тело снова наберёт вес».

Хуан Иньшэн, услышав это, невольно рассмеялся и подняв руку, похлопал маленького гера по голове: «Оставь прошлое позади, смотри вперёд».

«Я знаю».

Хуан Иньшэн кивнул и добавил: «Кстати, в следующем месяце пятнадцатого числа у тебя день рождения, боюсь, я не смогу приехать в деревню, чтобы отпраздновать с тобой. Мне нужно поехать в другой уезд договариваться о поставке лекарственных трав, поездка займёт около десяти дней».

Таоюй тихонько вздохнул: «Хорошо. Но даже если дедушка не придет отпраздновать мой день рождения со мной, мне все равно нужен подарок на день рождения. Нужно будет поделиться со мной лекарственными травами, которые привезёшь из другого уезда».

Хуан Иньшэн, улыбаясь, покачал головой: «Как будто лекарственных трав в лавке тебе мало».

Дедушка с внуком, разговаривая и смеясь, прошли из задней комнаты в переднюю. Как только они вошли в лавку, они увидели высокую фигуру, стоявшую сбоку.

Хуан Иньшэн ещё не успел разглядеть, кто этот человек, чей профиль был скрыт серым и черным на фоне света, как увидел, что маленький гер рядом поспешно подошёл к нему.

«Брат Хо, как ты здесь оказался?»

Хо Шу повернул голову, увидев подбежавшего человека, его брови слегка шевельнулись, этот человек действительно здесь.

Он показал Таоюю свою раненую руку.

«Что, что случилось?!» — спросил Таоюй, увидев, что на тыльной стороне широкой ладони Хо Шу кровоточит рана, и много крови уже попало между пальцами, вся большая рука была в крови и выглядела очень страшно.

«Нужно скорее остановить кровь!»

Хуан Иньшэн, взглянув на рану, сразу же повернулся, достал из-под прилавка медицинский ящик и уже собирался продезинфицировать и перевязать Хо Шу, как его маленький внук выхватил ящик у него из рук.

Пробежав пару шагов, он, словно спохватившись, повернулся и сказал: «Дедушка, ты сначала осмотри других пациентов, я сам справлюсь с перевязкой».

Брови Хуан Иньшэна приподнялись.

Однако он ничего не сказал, лишь наблюдал за своим внуком и повернулся к старушке, чтобы осмотреть её.

«Брат Хо, иди сюда».

Хо Шу последовал за Таоюем к низкому столику для осмотров в углу. Он сидел, широко расставив ноги, перед столом, почти закрывая Таоюя и столик своим телом.

Столик был низкий, и, сидя, ему было немного неудобно, казалось, будто взрослый занял место ребёнка, полностью заняв пространство, что выглядело комично.

Но этот столик явно был сделан специально для Таоюя, сидя с другой стороны, он был ему в самый раз по росту.

Хо Шу, сжавшись на стуле, невольно нахмурился, но когда пара тёплых и мягких рук взяла его левую руку и осторожно смыла кровь, в тот же миг всё неудобство исчезло.

«Как это получилось?»

Таоюй нахмурил брови, осторожно протирая рану хлопковой тканью, боясь, что резкое движение заденет рану и нанесёт вторичную травму.

Хо Шу смотрел на маленького гера, который был совсем рядом, чьи густые ресницы были чётко видны. На его лице появилось серьёзное и обеспокоенное выражение, и даже дыхание его невольно стало тише.

«Больно очень? Почему молчишь?»

Таоюй закончил очищать кровь и собирался продезинфицировать рану спиртом, что неизбежно вызовет боль. Увидев, что Хо Шу даже не отвечает, он невольно поднял голову.

«Всё в порядке».

Хо Шу: «Просто порезался ножом в мясной лавке».

«Ты из лавки мастера Цяо? Неудивительно, что рана до сих пор кровоточит, словно только что получил её».

Брови Таоюя не расслаблялись, пока он не умолкая говорил: «Я видел, что ножи в мясной лавке всегда блестят, они наверняка очень острые, нужно быть очень осторожным, когда их используешь».

Хо Шу спокойно вздохнул, выражение его лица было как обычно, но слова были кислыми: «Первый день учусь, руки немного неуклюжие».

Таоюй, услышав слова Хо Шу, поспешно сказал: «Ты ни в коем случае не отчаивайся, всё всегда начинается с трудностей, ремесло — это же не то, что сразу получится хорошо. Потренируешься ещё несколько раз, и привыкнешь».

«Особенно такие ремесла, как мясник или охотник, порог высок, и научиться нелегко. Если спешить, можно пораниться, и это не стоит того. Конечно, ловко работать хорошо, но нельзя спешить и раниться. Разве это не ставит телегу впереди лошади?»

Таоюй, говоря, вдруг понизил голос: «Если мастер Цяо будет ругать тебя за медлительность, я попрошу дедушку сходить и сказать ему за тебя несколько хороших слов».

В глазах Хо Шу что-то шевельнулось, что-то промелькнуло в его сердце. Он смотрел прямо на гера, утешавшего его. Никогда еще он не чувствовал такого непреодолимого желания ущипнуть Таоюя за лицо.

Он отвёл взгляд: «Угу».

Таоюй, видя, что он больше не выглядит унылым, сказал: «Ты потерпи немного, я продезинфицирую рану».

Он сделал глубокий вдох, смочил вату спиртом и трижды протёр рану на тыльной стороне ладони Хо Шу, которая была длиной с его мизинец. Когда он отпустил вату, он сам тоже вздохнул с облегчением.

Затем он применил немного травяного лекарства и обмотал его несколькими полосками ткани.

«Нужно менять повязку?»

«Нужно, меняй через день. Когда заживёт, у меня есть мазь от рубцов, не останется шрама», —успокаивал его Таоюй.

«Меня не волнует, останется ли шрам».

Сказав это, он вдруг нахмурился: «Ты очень против шрамов?»

Таоюй, в замешательстве подняв брови: «Девушки и геры любят красоту, конечно, их беспокоят шрамы. Немало девушек и геров из деревни приходили ко мне за мазью от рубцов».

Хо Шу не ответил, но его брови сдвинулись ещё сильнее.

Таоюй подумал, что он слишком туго перевязал, поспешно ослабил и снова перевязал в два слоя.

Хуан Иньшэн сбоку несколько раз взглянул на них. Хотя он не слышал, о чём они говорят, но видел, как его внук то выглядит сердитым, то ласково утешает.

И Хо Шу тоже позволял себя наставлять и распоряжаться, их взаимоотношения выглядели очень близкими.

Он невольно приподнял брови.

Хуан Иньшэн, увидев внука, который после перевязки подошёл, чтобы поставить медицинский ящик на место, спросил: «Готово, всё в порядке?»

«Внешняя рана, просто порезался ножом».

Таоюй сказал: «Брат Хо Шу учится у мастера Цяо, это его первый день, вот и поранился».

Хуан Иньшэн, услышав это, невольно посмотрел на Хо Шу и с некоторым удивлением сказал: «Нашёл себе занятие?»

Таоюй кивнул.

Хуан Иньшэн, потирая бороду, одобрительно сказал: «Это хорошо».

«Иди принеси герою Хо Шу чаю».

Таоюй согласился и поспешно побежал, чтобы снова принести чаю Хо Шу.

Хуан Иньшэн смотрел на них двоих, когда перед ним протянули листок с рецептом.

«Доктор Хуан, дайте мне лекарств по этому рецепту».

Хуан Иньшэн взял рецепт, быстро взглянул на него, и, доставая лекарства из аптечного шкафа за спиной, сказал: «У госпожи Чжан дома кто-то поранился?»

«Вот уж невезение, мой муж пару дней назад вернулся из другого места, и кто бы мог подумать, что на границе между уездом Яньцяо и городом Тунчжоу он наткнулся на банду разбойников. Похоже, они перерезали караван купцов, и даже проезжавшие мимо торговцы не уцелели».

«Мой муж увидел, что дело плохо, и поспешно спрятался на крутом склоне под официальной дорогой, но поскользнулся и упал с горы. К счастью, обошлось без серьёзных травм, только ободрал немного кожу».

Женщина говорила дрожащим голосом и несколько раз произнесла: «Слава Небесам».

Услышав эти слова, сидевшие рядом и ждавшие приёма люди тоже высунулись и сказали: «Я тоже слышал, что в последнее время на улице беспокойно. В этом году налоги выросли, и разбойники снова активизировались, осмеливаются безобразничать даже на границе

провинции».

Женщина качала головой: «В уезде Цяоян в этом году была саранча, неурожай, а налоги правительства, наоборот, выросли. Крестьянам, которым не на что жить, пришлось стать разбойниками. Когда таких людей становится много, как они могут не спускаться с гор и не быть жестокими?»

«К счастью, мы в столице провинции, и эти разбойники не осмелятся нападать и грабить здесь».

«Трудно сказать, слышал от торговца из Линьхэфана, что он видел эту банду разбойников ещё в пределах Тунчжоу. У всех густые бороды, грабят всех, кого видят. Теперь из Линьхэфана никто не осмеливается выходить в одиночку».

Чем больше они говорили, тем тревожнее становилось на душе. Взволнованные старики начали тихо бормотать: «Скоро после осеннего урожая начнутся новогодние праздники, в это время торговля идёт хорошо, но как же жить дальше?»

Таоюй слушал, разинув рот, он забыл его закрыть. Его глаза прямо смотрели в сторону, где шли обсуждения. Прошло много времени, прежде чем он сглотнул и пришёл в себя.

Хотя Тунчжоу было спокойным местом, появление разбойников и воров раз в три-пять лет было обычным делом. Убийства и грабежи в столице провинции происходили редко, но о беспокойных событиях в отдалённых уездах иногда всё же приходилось слышать.

Городские жители всегда пересказывали слухи, и хотя на мгновение становилось тревожно, в конце концов они чувствовали, что это далеко от них. Это было всего лишь вздохом, искра не попала на ногу, не больно.

Таоюй поспешно подбежал к Хуан Иньшэну: «Дедушка, слушая, как все говорят, становится страшно. Может, пока отложишь поездку по поводу лекарственных трав?»

Хуан Иньшэн хлопнул Таоюя по голове: «Дедушка едет в столицу другого уезда, а не в какое-то маленькое место. К тому же, если разбойники действительно осмелятся нарушить порядок и грабить, нарушив безопасность въезда и выезда из города, то и суд провинции не будет сидеть сложа руки».

«Но разбойники уже появились в пределах Тунчжоу и грабят, это же так страшно! Даже если власти захотят их искоренить, это всё равно займёт время».

Хуан Иньшэн сказал: «Ещё есть время, не спеши, потом посмотрим по обстоятельствам. Если будет действительно беспокойно, то отправим весточку».

Таоюй, услышав это, вздохнул с облегчением.

«Кстати, ты сегодня возвращаешься в деревню?»

Таоюй немного колебался, вернуться можно, и не возвращаться тоже можно.

«Если ты собираешься вернуться, то поезжай вместе с героем Хо Шу, иначе я буду волноваться, если ты вернёшься поздно, боюсь, по дороге снова встретишь деревенских жителей, которые посчитают тебя слабым и будут издеваться».

Хуан Иньшэн взглянул на человека, который невозмутимо пил чай сбоку.

Таоюй поджал губы: «Ладно».

Хуан Иньшэн сказал: «Раз говорят, что и внутри провинции неспокойно, то в эти дни, когда вернёшься, не бегай один на улицу».

Таоюй послушно кивнул: «Понял».

«Герой Хо Шу, ты собираешься вернуться в деревню? Мог бы заодно подвезти Сяо Таоцзы?»

Хо Шу, услышав это, встал: «Могу».

Хуан Иньшэн стоял у двери, глядя на своего маленького внука, который радостно шёл рядом с высоким Хо Шу, выглядя ещё более хилым и маленьким.

«Беспокоишься о своём внуке?»

Хуан Иньшэн, услышав это, покачал головой. Когда он узнал о деле с семьей Юй, хотя и удивился, но почувствовал, что это вполне логично. Он не слишком жалел об этой помолвке, только беспокоился, что Таоюю будет тяжело пережить это.

Однако, увидев его сегодня, он почувствовал, что зря беспокоился, Таоюй оказался намного лучше, чем он думал.

Аптекарь сказал: «Но ведь гер и этот северянин едут вместе, это не проблема?»

«Смотри, они уже хорошо знакомы. Таоюй с удовольствием идёт с ним».

Хуан Иньшэн сказал: «Хорошо, жизнь всё равно должна продолжаться».

Аптекарь знал, что имеет в виду Хуан Иньшэн: «Господин намерен свести их? Но боюсь, староста Цзи не согласится».

«Согласятся или нет, зависит от судьбы детей. Если есть желание, даже самые большие трудности можно преодолеть, а если нет желания, даже помолвка на пороге может сорваться».

Хо Шу сегодня приехал в город без лошади, поэтому обратно он с Таоюем ехали на телеге.

Он сидел на телеге, и все пассажиры, видя его холодное лицо, не осмеливались говорить. Телега, которая обычно была оживлённой, на удивление была тихой.

Таоюй сидел напротив Хо Шу, он тоже не открывал рта. В этой тишине их разговор, несомненно, услышали бы все в телеге.

Он смотрел на глаза Хо Шу с белыми склерами, которые смотрели прямо на него. Хотя он и не смотрел бесстыдно, Таоюю было как-то неловко. Раньше, когда он смотрел на людей так, они боялись, а сейчас он не знал, что происходит.

Таоюй отвёл взгляд и тихо смотрел на руку Хо Шу, думая, когда заживёт рана, вспоминая о хризантемах, которые Хо Шу собрал для него несколько дней назад и которые после запекания этой ночью будут готовы, думая о той книге «Собрание записей по оправданию несправедливости», которую он ещё не дочитал и которая лежала у него в комнате у кровати, и не знает, не нашла ли её мать...

«Приехали».

Таоюй опешил, вдруг поднял голову и увидел узкую дорогу, ведущую в деревню. Он поспешно слез с телеги.

Хо Шу вынул несколько медных монет и отдал их хозяину телеги. Таоюй поспешно потянулся за кошельком: «У меня тут...»

Не успел он договорить, как хозяин телеги уже уехал. Таоюю даже показалось, что он видел, как люди на телеге вздохнули с облегчением, увидев, что Хо Шу наконец-то сошёл.

«Я дам тебе деньги».

Хо Шу, услышав это, даже не обратил внимания на Таоюя и прямо направился к деревенской дороге: «Если не поторопишься, разбойники тебя уведут, и я не буду отвечать».

Таоюй, услышав это, вздрогнул и поспешно побежал за ним: «Подожди меня».

Хо Шу не ответил, но остановился, позволяя маленькому геру сзади добежать до него.

Глядя на мягкую макушку маленького гера, Хо Шу слегка улыбнулся.

—

«В будущем тебе больше не позволено туда ходить. Что за человек такой? Всё равно общается с другими. За кого они держат нашу семью Чжоу?»

«Если бы я раньше знал, что их семья такая, никогда бы не предложил тебе этого дела. Хорошо, что сегодня приехал и услышал о репутации этой семьи в деревне, иначе действительно понёс бы глупый убыток».

Как только они вошли в деревню, они увидели двух людей, идущих по деревенской дороге.

Издали они немного напоминали старосту соседней деревни, отца и сына Чжоу.

«Папа, может быть, тут какое-то недоразумение? А может, мы сами пойдём и спросим старосту Цзи, что произошло?»

«Какое может быть недоразумение? Даже если ты его спросишь, он что, признается, что его сын ведёт себя нескромно? О такой опозоренной семье больше никогда не спрашивай».

Староста Чжоу говорил сердито, и его голос был не очень тихим. Хо Шу и Таоюй, шедшие им навстречу, услышали эти слова.

Таоюй издали увидел двоих, думая, стоит ли приветствовать их. Услышав эти слова, он вдруг замолчал.

«Тао... Тао гер...»

Чжоу Чжэн только собирался возразить отцу, как поднял глаза и увидел Таоюя на деревенской дороге. В какой-то момент у него заплетался язык.

Но староста Чжоу не чувствовал стыда от того, что его поймали на злословии. Наоборот, он схватил Чжоу Чжэна за руку: «Ты не поддавайся на красоту и не будь безрассудным. Если возьмёшь в жёны кого-то с такой репутацией, твой дядя от злости умрёт».

«Что за репутация такая? Объясни яснее».

Хо Шу опустил глаза и вдруг холодно спросил.

Отец и сын Чжоу, увидев, что высокий и свирепый Хо Шу вдруг заговорил, замерли, сразу потеряв свою прежнюю самоуверенность, но всё же вытянули шеи, чтобы сохранить лицо: «Кто ты такой? О чём я с тобой разговариваю?»

Взгляд Хо Шу застыл, и он вдруг сжал кулаки.

Таоюй, увидев это, поспешно схватил Хо Шу за край одежды. Хотя он не видел, как Хо Шу кого-то бьёт, но, судя по его крепкому телосложению, если он начнёт драться, это будет непоправимо.

Хотя он не понимал, что имела в виду семья Чжоу, но из соображений благоразумия всё же посмотрел Хо Шу в глаза и тихо покачал головой.

Староста Чжоу почувствовал, что потерял лицо, но на чужой территории, видя ледяной взгляд Хо Шу, в котором не было ни намёка на человечность, всё же немного струсил, в конце концов, не стал спорить и поспешно ушёл.

Увидев, что отец и сын Чжоу ушли далеко, Таоюй почувствовал, что что-то случилось. Он в панике поднял ноги и собрался уходить: «Я... я сначала вернусь».

Хо Шу сказал: «Я провожу тебя».

«Не нужно. В деревне всего несколько шагов, всё в порядке».

Хо Шу, видя беспокойство на лице гера, протянул руку, чтобы схватить его за руку, но остановился и схватил его за край одежды: «Что бы ни случилось, не плачь, я помогу тебе».

Таоюй изначально не чувствовал себя обиженным, но услышав слова Хо Шу, у него защемило в носу. Он поджал губы, тяжело кивнул, а затем побежал в сторону своего дома.

Хо Шу, увидев, что его уже не видно, только тогда вернулся.

«Вернулся?»

Юань Хуэйжу только что вернулась с поля, неся мотыгу, и увидела Хо Шу. Она поспешно бросила корзину: «Нехорошо!»

Брови Хо Шу сдвинулись: «Что случилось?»

«Днём я на поле слышала, как люди говорят...»

Слова застряли у неё в горле, Юань Хуэйжу с трудом посмотрела на Хо Шу.

Хо Шу, увидев это, спросил: «Дело Таоюя? Приёмная мать, говори».

Юань Хуэйжу кивнула: «Не знаю, как это вдруг стало распространяться в деревне. Говорят, что Таоюй и Юй Эрлан слишком тесно общались во время помолвки, и уже давно тайно связались. Говорят... говорят такие гадости».

«Второму сыну Чжоу из соседней деревни очень понравился Таоюй после знакомства, но староста не велел ему больше приходить, поэтому он сегодня привёл старосту Чжоу, чтобы договориться о браке и выяснить отношение семьи Цзи».

«Неожиданно отец и сын случайно услышали на дороге сплетни односельчан. Староста Чжоу, услышав эти мерзкие слова, сразу же разозлился, почувствовал, что опозорен, выругался на деревенской дороге несколько раз, даже не зашёл к семье Цзи, повернулся и ушёл».

Юань Хуэйжу случайно оказалась на поле и услышала эти разговоры. Она не смела и пикнуть, поспешила вернуться, чтобы рассказать Хо Шу.

Такой молодой гер, который ещё не вышел замуж, вдруг получил такую репутацию, как же ему жить дальше? Как он сможет выйти замуж?

Юань Хуэйжу чуть не сошла с ума от горя.

Хо Шу, выслушав, тут же холодно сказал: «Невозможно».

Не говоря уже о том, что Таоюй, который всегда придерживался правил и ритуалов, ни за что не стал бы совершать таких непристойных поступков, даже если бы он не так строго соблюдал приличия, Юй Линсяо, со всеми своими сладкими речами и уловками, не смог бы добиться такого.

«Если бы у них действительно было что-то такое, семья Цзи ни за что бы не согласилась расторгнуть помолвку. Даже если бы семья Юй, используя уловки, хотела расторгнуть помолвку из-за того, что нашли себе более выгодную партию, семья Цзи, даже устроив публичный скандал, ни за что бы не согласилась. Как бы они могли так спокойно и решительно расторгнуть помолвку?»

Юань Хуэйжу, услышав слова Хо Шу, прозрела:

«Верно. Тогда староста на ярмарке просто коротко упомянул об этом, и хотя это было новостью, на фоне растущих налогов это не было таким уж большим делом. Деревенские жители хоть и обсуждали, но говорили не много, все считали, что Юй Эрлан, успешно сдав экзамены, изменился в сердце. Но ведь он новый цзюйжэнь из знатной семьи нашей деревни,

никто не осмеливался говорить об этом открыто».

«Теперь видно, что староста намеренно объявил о расторжении помолвки тогда, чтобы деревенские жители не обсуждали это слишком много».

Зная, что нынешние слухи ложны, Юань Хуэйжу недоумевала: «Почему тогда вдруг люди стали говорить такое, ясно зная, что это ребёнок старосты, они даже не боятся обидеть старосту?»

Хо Шу, услышав это, тут же спросил: «Почему говорят, что обидят семью Цзи, а семью Юй не обидят?»

«Снаружи говорят, что... говорят, что Тао гер красив, и намеренно этим привязал к себе Юй Эрлана, что якобы из-за опасения, что такой, как Тао гер, помешает Юй Эрлану сдать экзамены, обе семьи расторгли помолвку...»

Юань Хуэйжу вздохнула: «Люди любят слушать такие грязные истории, неважно, правда это или нет, им главное развлечение. Но они не знают, что своими сплетнями они уже разрушили человека».

Сказав это, она посмотрела на Хо Шу: «А-Шу, как же быть?»

Она осторожно спросила: «Теперь семья Цзи стала очагом раздора. Если ты любишь спокойствие и не хочешь неприятностей, то забудь о предыдущем плане».

Брови Хо Шу сдвинулись. Эти слухи были слишком однобокими и несправедливыми. Он ответил Юань Хуэйжу: «Я не боюсь проблем».

Юань Хуэйжу тут же поняла его намерения и ещё больше одобрительно кивнула. Если бы Хо Шу, опасаясь проблем, сейчас отдалился от семьи Цзи, она бы, наоборот, почувствовала что-то неладное.

Раз уж он говорил о влюблённости, а при проблемах отступил, это было бы слишком немужественно.

«Тогда, может быть, приёмная мать подготовится и пригласит сваху к семье Цзи, чтобы предложить брак?»

Юань Хуэйжу подумала: «Нельзя, чтобы деревенские жители думали, что Таоя никто не хочет».

«Предлагать брак сейчас — всё равно что пользоваться случаем».

Хо Шу сказал: «Даже если и свататься, то не в такой момент. Сначала нужно решить эту проблему».

Юань Хуэйжу нахмурилась: «У каждого свой язык, как это решить? Нельзя же заткнуть им рот?»

Хо Шу не сразу ответил. Через некоторое время он сказал: «Я найду способ».

—

<http://bllate.org/book/14480/1281186>